

Бай Миньюй долгое время смотрел на это лицо, так долго, что за окном уже совсем стемнело, а улыбка на губах человека перед ним оставалась всё такой же лёгкой и мягкой. Он с трудом изогнул уголки губ, пытаясь ответить столь же мягкой улыбкой, но получилось лишь нечто неуклюжее, словно он давал обещание, и тихо ответил:

— Женщина.

Когда наступила ночь, Двор Жунцзинь наконец вернулся к своему обычному спокойствию.

Однако в Дворе Ароматных Орхидей, находящемся в княжеской резиденции, всё было далеко не так мирно.

В главной комнате Двора Ароматных Орхидей Цзян Хуэй наблюдала, как её личная служанка Чжэньчжу закрыла крышку нефритового флакона и почтительно положила его рядом с ней. На её губах появилась довольная улыбка, но, заметив на своей белоснежной руке красные царапины, она невольно дёрнула бровью.

— Наконец-то перестало чесаться. Эта мазь ледяной кожи и нефритовых костей действительно эффективна.

Чжэньчжу с облегчением вздохнула, увидев, что её госпожа наконец перестала страдать от зуда, который начался после того, как она дотронулась до циня в полдень. Все приготовленные ими лекарства не помогали, пока она случайно не нанесла мазь, стоявшую на столе. Готовая к выговору, она с облегчением заметила, что мазь подействовала, и на её лице появилась осторожная улыбка.

— Госпожа, зуд прошёл, но что насчёт царапин на вашей руке?

Услышав слова о царапинах, Цзян Хуэй словно облили холодной водой. Её только что смягчившееся выражение лица мгновенно потемнело, а взгляд, упавший на зеркало, стал жестоким. Увидев в отражении тень Чжэньчжу, она тихо выругалась:

— Мать уже знает о том, что здесь произошло. Завтра она всё уладит, тебе не нужно об этом беспокоиться!

Чжэньчжу, понимая, что её госпожа снова разозлилась из-за упоминания о царапинах, невольно отступила назад и покорно ответила:

— Да, госпожа.

Цзян Хуэй, видя страх в глазах Чжэньчжу и глядя на царапины на своей руке, вспомнила, как днём она позорилась перед всеми из-за внезапного зуда во время игры на цине, и как Нин Хуань смотрела на неё с самодовольством. Она сжала губы, почти прикусив их:

— Зуд — это ещё куда ни шло, но самое отвратительное — это самодовольная Нин Хуань! Отвратительно... отвратительно!

Не договорив, она словно вспомнила о чём-то и сразу же перевела взгляд на Люли, стоящую неподалёку и не решавшуюся подойти. Её глаза сузились, и в них появились подозрение и жестокость.

— Всё было идеально подготовлено накануне вечером. Я специально дала тебе возможность пойти в комнату с цинями и посыпать порошком лучший цинь. Почему же сегодня, когда я

играла на цине, который явно не был посыпан порошком, я почувствовала такой зуд?!

Люли, увидев, как её госпожа страдает от порошка и позорится перед всеми знатными дамами, уже была в панике, понимая, что всё испортила, но никак не могла понять, как это произошло. Услышав голос Цзян Хуэй, она побледнела и тут же упала на колени, кланяясь и ударяясь головой о пол.

— Госпожа, госпожа, я не знаю, я точно...

— Я поняла, — Цзян Хуэй, видя, как Люли побледнела от страха, не поверила её словам, а лишь укрепились в своих подозрениях. Она щёлкнула пальцами, снова взглянула на свою руку и легкомысленно спросила. — Люли, сколько лет ты служишь у меня?

Люли, дрожа всем телом, лежала на полу и поспешно ответила:

— Госпожа, четыре года.

— Четыре года... Да, это действительно долго. Ах, я поняла. Ты устала служить мне, поэтому специально посыпала порошком на цинь, которым я должна была играть. — На губах Цзян Хуэй появилась насмешливая улыбка. Её подозрения подтвердились, когда служанка произнесла «четыре года». Она сидела рядом с зажжённой лампой, её лицо исказилось, становясь похожим на ужасного призрака. — Говори! Так ли это?!

Люли, изначально лишь чувствовавшая себя виноватой за то, что не справилась с заданием, услышав эти слова, словно град обрушившийся на неё, растерялась. Её лицо побелело, и она чуть ли не готова была вырвать своё сердце, чтобы доказать свою невиновность, продолжая кланяться, пока на её белой коже не появились красные следы.

— Госпожа, прошу вас, я всегда была предана вам, у меня не было никаких дурных намерений!

Цзян Хуэй холодно фыркнула. Её прекрасное, как у небожительницы, лицо стало ледяным, а в глазах появились отвращение и ненависть. Она встала и ударила Люли ногой с такой силой, что та чуть не перевернулась:

— Мерзкая тварь! Так это я сама посыпала порошок на цинь? Это ты, дрянь, всё устроила!

Сказав это, она, словно больше не желая слушать оправдания служанки или считая её виновной, тут же указала на Люли, у которой волосы слегка растрёпались, а лицо выражало страх, и громко крикнула:

— Эй, кто там! Уведите эту мерзкую служанку, изуродуйте ей лицо и продайте в публичный дом!

— Госпожа, госпожа, я невиновна! — Услышав, что её лицо изуродуют и продадут в публичный дом, лицо Люли, обычно миловидное, исказилось от ужаса. Её крики, звучавшие в темноте, становились всё более пронзительными. — Я действительно не виновата! Я не знаю, как порошок оказался на цине госпожи... Госпожа, пощадите! Пощадите!

Цзян Хуэй игнорировала мольбы Люли, которую уводили, и снова села за туалетный столик. Она нахмурилась, глядя на свою руку, покрытую красными следами, и тихо проворчала:

— Хм! Мерзкая тварь... Если не ты, то кто же посыпал порошок? Не я же сама!

Чжэньчжу, видя, как Люли, просто за то, что не справилась с заданием, уводят и продают, невольно содрогнулась, подавив последнюю попытку заступиться за неё. Она поклонилась и ждала, когда Цзян Хуэй снова заговорит.

Цзян Хуэй долго рассматривала свою руку, и чем больше она смотрела, тем больше раздражалась. Она махнула рукой и перевела взгляд на нефритовый флакон, стоявший неподалёку на столе, нахмурившись:

— Однако эта мазь ледяной кожи и нефритовых костей странная. Как она могла нейтрализовать действие порошка?.. Может, это двоюродный брат? Но он подарил мне эту мазь просто для ухода за кожей, она не должна иметь других свойств...

Чжэньчжу, видя замешательство своей госпожи при свете лампы, не хотела ничего говорить, но, понимая, что в комнате больше никого нет и если она не заговорит, госпожа обязательно спросит, после небольшой паузы осторожно предложила:

— Госпожа, на мой взгляд, в этой мази, вероятно, содержатся ценные ингредиенты, и один из них случайно нейтрализовал действие порошка, поэтому она и подействовала.

— В этом есть смысл. Вряд ли такой человек, как двоюродный брат, стал бы мне вредить. — Услышав её слова, Цзян Хуэй немного смягчилась, словно слова Чжэньчжу пришлись ей по душе. Однако через мгновение её лицо снова омрачилось при виде красных следов на руке. — Всё из-за этой мерзкой твари! Из-за этого ужасного зуда я расцарапала руку. Чтобы залечить эти царапины, потребуется минимум десять дней...

Чжэньчжу, стоявшая рядом, поспешила утешить её:

— Госпожа, не беспокойтесь. Эти царапины выглядят страшно, но на самом деле они неглубокие. После заживления не останется и следа.

— Я понимаю, о чём ты, но я думаю не об этом. — Услышав слова Чжэньчжу, Цзян Хуэй наконец выразила некоторое удовлетворение, посмотрев на служанку с одобрением, и продолжила. — Просто пока эти царапины не заживут, бабушка не сможет увидеть меня. Даже если мать будет меня прикрывать, бабушка, не видя меня долгое время, обязательно подумает, что я ленюсь. Если она рассердится и снова закроет меня, что тогда? После того случая с чаем бабушка осталась недовольна мной, а теперь я не могу даже пойти к ней и угодить...

Чжэньчжу, услышав слова Цзян Хуэй, быстро поняла, в чём дело, и тихо произнесла:

— Госпожа...